

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-69-76

«СВЕТ» КАК МИР И «СВЕТ» КАК ОБЩЕСТВО В ПОЭЗИИ Н.М. КАРАМЗИНА: МЕХАНИЗМ ЭВОЛЮЦИИ ЗНАЧЕНИЙ*

Иваницкий А.И.

*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация. Статья рассматривает механизмы эволюции значений эпитета «свет» в поэзии Н.М. Карамзина. В статье показывается, что классицизм сначала подспудно готовит сентименталистское расщепление «света» как мира на «свет» как цивилизацию и его «периферию» (природу), – а затем воссоединяет их в новом качестве, наделяя общество и государство признаками их бывших сентименталистских антиподов. Это природа и поэзия, которая теперь становится полем соединения «чистого разума» классицизма и «чувства» сентиментализма.

Ключевые слова: свет, мир, общество, сентиментализм, классицизм, суета, поэзия, любовь, природа.

“SVET” AS WORLD AND “SVET” AS SOCIETY IN N. KARAMZIN’S POETRY: MECHANISM OF THE EVOLUTION OF MEANINGS

A. Ivanitskiy

*Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the evolution of meaning of the epithet “svet” in the N. Karamsin’s poetry. It is shown that classicism first implicitly prepares the sentimentalistic split of “svet” as world into “svet” as society and its periphery (nature), – but then classicism reunites “svet” / society and nature on a new level, giving the society and the state the attributes of their former sentimentalistic antipodes. There is nature and poetry, that unites the pure reason of classicism and the feeling of sentimentalism.

Key words: light, world, society, sentimentalism, classicism, vanity, poetry, love, nature.

Два традиционных значения эпитета «свет» в поэзии Н.М. Карамзина (как мира в целом и как общества / цивилизации) отражают, как представляется, сложную динамику взаимоотношений двух доминирующих в России XVIII – начала XIX веков художественных систем, в русле которых эта поэзия развивалась. Это классицизм, из поэтики которого Карамзин вырос, – и сентиментализм, получивший в его прозе и поэзии наиболее развёрнутое воплощение. А главными

* Работа выполнена по программе гранта РФФИ № 15-04-00494 «Н.М. Карамзин: энциклопедический словарь».

© Иваницкий А.И., 2017.

механизмами взаимоперехода двух значений «света» выступают ключевые для сентиментализма концепты «поэзии» и «любви».

Следует иметь в виду, что Карамзин, как и другие поэты сентиментализма, не стремился выстроить строгую последовательность философских смыслов¹ – с помощью общих мест современной и предшествующей русской и европейской поэзии он осваивал поэтический язык – и уже в поле освоенного поэтического языка переосмысливал эти «общие места». Поэтому логическая последовательность поэтических мотивов Карамзина (как и его старших и младших современников) вовсе не всегда соответствует хронологической.

Значение «света» как *мира в целом* наследуется Карамзиным из одической топики барочной классицизма, где «свет» – это мир, покоряемый Россией и её царицей:

*«...Мне ли славить тихой лирой /
Ту, которая порфирой / Скоро весь об-
нимет свет?..»* [4, с. 126] *«...Уже во-
инской нашей славы / Исполнен весь
обширный свет...»* [4, с. 262]. Ср. у
А.П. Сумарокова: *«Подвергнулось в
Твоё подданство // ...толь великое про-
странство, / Что составляет целой
свет»* [7, т. II, с. 73].

В русле рационально-просветительского дискурса той же оды «свет» / «мир» предстает у Карамзина полем проявления извечных закономерностей жизни:

*...Пусть каждый собственность
блюдет*

*И чуждого да не коснётся! / Тогда
спокоен будет свет...* [4, с. 309].

¹ О подобной манере художественного философствования Н.М. Карамзина подробнее см.: [1, с. 5–34].

Ср. у В. Майкова: *«Несётся весть, /
Что будто колдуны, конечно, в свете
есть...»* [5, с. 140]; и у М. Хераскова:

*...Как растворяючи диавол тёмный
ад,*

*Пускает по свету людей разить
свой яд, —*

*Так точно клеветник льёт в мире
злость рекою...* [10, с. 105].

Столь же извечной в «свете» как мире оказывается и природа человека: *«...Как ни худы в свете нравы, /
Всякий добродетель чтит...»* [4, с. 196].

Именно на этой ступени поэтическая логика Карамзина смещается в сторону сентиментализма: основой бытия в «свете» как мире оказывается не классицистический «разум», а сентименталистская «любовь»:

*...Всем любиться в свете должно,
И в семнадцать лет не мож-
но / Сердцу без другого жить...*
[4, с. 181–182].

Одна любовь способна расширить пространство влюблённых до размеров мира в целом как локуса нового «золотого века»:

*...Я целый свет забыл, / Природу и
друзей: Природы совершенство,
Друзей, себя, творца в тебе одной
любил...* [4, с. 207].

При этом «приватный» золотой век влюблённых (отчасти наследуемый сентиментализмом у рококо) вовсе не нуждается во всеобщем:

*...Пусть бог вселенную в пустыню
превратит;*

*Пусть будем в ней мы только двое!
Любовь её для нас украсит, жи-
вит...* [4, с. 211].

Причина в том, что *«...Любовь сле-
па для света / И, кроме своего / Бесцен-
ного предмета, / Не видит ничего...»*
[4, с. 241]. Главным же (и, как правило,

не выдерживаемым) критерием человеческой полноценности объявляется неверность в любви: «...белый свет / Своим порядком век идёт. / Все любят, Хлоя, разлюбляют...» [4, с. 196].

...Ах! если б было в нашей власти /
Вовеки пламенно любить,
Вовеки в милом сердце жить,
Никто б не захотел расстаться с
здеишим светом;

Тогда бы человек был зависти предметом /
Для жителей небес... [4, с. 205];

...Хотите ль жизнь и свет душой
возненавидеть [...] – / Любите!.. [4,
с. 250].

Это внутреннее отторжение лирического героя Карамзина от «света» / мира в силу его несоответствия ключевому сентименталистскому критерию («любви») готовит перекодировку «света» из мира в цивилизацию, концентрирующую в себе мировой негатив. «Этиология» превращения «света» / мира в «свет» / цивилизацию развёрнута Карамзиным в «Послании Александру Алексеевичу Плещееву» (1794). Это рождение в мире «сует»: соблазнов власти, сластолюбия тщеславия и богатства, а равно и возбуждаемых ими людских страстей. В этом состоит переход «золотого века» в «железный» в русле канонических для сентиментализма «Метаморфоз» Овидия:

...Судьбы рекли: “Да будет свет /
Жилищем призраков, сует...”

...Герои в латы нарядились, / Пленя-
ся Славы красотой;

...Одни престолов захотели, / Дру-
гие самых алтарей;

Одни шумящими рулями / Рассекли
пену дальних вод;

Другие мощными руками / Отверзли
в землю тёмный ход,

Чтоб взять пригоршни светлой
пыли!.. [4, с. 142-143];

Ср. в «Послании к женщинам» (1795):

...Три страсти правят светом: /
Одна имеет честь предметом,
Другая золото, а третьёю живём /
Для ваших милых глаз... [4, с. 171]

Этот мотив Карамзина опирается на устойчивую в сентименталистской лирике мысль о том, что «...Суета есть идол мира...» [6, с. 119] – и прежде всего столиц: «...Я ... в Москве обитаю, / В жилище сует...» [2, с. 117]. В «свете» / социуме – «...Рождается мы с суетою, / Не знаем и живя покою...» [9, с. 198]

Воля людей к удовлетворению «суетных» страстей рождает войну:

...Когда ж людей невинных кровью /
Земля дымиться начала,

Мне свет казался адом зла... («К Добродетели», 1802), [4, с. 293];

– а их недостижимость и эфемерность – «скуку»:

Есть томная на свете мука, / ...ей
имя скука:

...Она и с делом, и с бездельем / При-
ходит к мудрым в кабинет... («Гимн
глупцам», 1802), [4, с. 288].

Рабское подчинение людей страстям / «суетам» и делает невозможной для них истинную любовь, что и превращает «свет» в бездушную цивилизацию.

В радикальной форме «свет» как социум превращается для героя в свою противоположность – «пустыню»: «...В сердцах у всех людей я камень находил... / Не в свете, но в пустыне жил» («Послание к женщинам»), [4, с. 179]. Такова судьба «в свете» всех наделённых умом и душой – «...Для добрых терние растёт, / Темницей кажется им свет...» («Опытная Соломонова

мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста», 1796), [4, с. 200].

В результате из «света» как мира, превратившегося в цивилизацию, выделяется периферия – единственная область «счастья»:

...Клеант объездил целый свет

И, видя, что нигде для смертных счастья нет,

Домой к друзьям своим с котомкой возвратился... («Странные люди», 1792), [4, с. 108].

Именно эта периферия «света» становится локусом обретения подлинной любви:

...Я навек простился с светом; / Мне наскучил шум его <...>

Свет забудет нас с тобою: / Что нам нужды, Лиза, в нём?

Мы с любовью одною / Век без скуки проживём... («Две песни», 1794), [4, с. 146-147];

ср.:

“...Что сердцу надобно? найти, любить другое;

А я нашёл, хочу с ним вечность провести

И свету говорю: прости!” («К верной») [4, с. 211].

«Любовному» побегу от «света» / цивилизации на «обочину» мира довлеет в лирике Карамзина побег «поэтический», поскольку

...Не истина, но блеск в поэте совершенство,

И ложь красивая пленяет светский ум... («К Эмилии», 1802), [4, с. 290]¹.

Причина таких предпочтений «света» обусловлена его идеалом поведенческого «искусства» как условности и мистификации:

...Простое сердце, чувство / Для света ничего.

Там надобно искусство – / А я не знал его!.. («Прости», 1792), [4, с. 113].

Идеал этот обусловлен преобладанием и отсюда – господством посредственностей:

...Глупцам приятнее хвалить себе подобных,

Чем умных величать; глупцов же полон свет... («Протей, или Несогласия стихотворца»), [4, с. 248].

Глупость же «света» состоит именно в господстве «мятежных сует»:

...В мятежных суетах и в хаосе страстей...

Кто истинно блажен, тот свету неприятен... («К Эмилии»), [4, с. 290].

Поэтому карамзинский стихотворец бежит от света, пресыщенный его «псевдопоэзией»: «...спокойствием усыпленный / Для света и для муз...» («К Эмилии»), [4, с. 289]. В то же время вдали от «света» / социума он сможет

...Забвенный в тёмном шалаше / Всем светом, ложными друзьями,

...спокойными очами / На мир обманчивый взирать... («К самому себе», 1795), [4, с. 162-163].

Подлинная поэзия чувства, обретаемая поэтом Карамзина на периферии «света», внушается ему Природой. В программной элегии «Меланхолия» (1800) она воплощена в хронотопе увядающей осени – единственной музыки и собеседника поэта,

...когда, изнемогая... / Она кончины ждёт. Пусть веселится свет

*И счастье грубое в рассеянии новом
Старается найти: тебе в нём нужды нет...* [4, с. 260]

«Меланхолия» доводит до логической вершины сентименталистскую синтагматику разведения света / мира

¹О роли и значении поэзии в лирике Карамзина см. подробнее: [3, с. 109-118].

и света / цивилизации в лирике Карамзина: природа, лежащая за пределами света как социума и фронтально противостоящая ему, оказывается единственно возможным локусом фундаментальных бытийных ценностей сентименталистского мира: поэзии и любви. Только здесь они недоступны губительным для них светским «суетам» и страстям.

Однако описанные выше недоступность любви в «свете» / мире и превращение того в «пустыню» могут вести лирического героя Карамзина к радикальному отторжению от него:

Увы! несчастлив тот, кому и сердце скажет:

“Всё в мире есть мечта!”... / Тогда несносен свет... (К Неверной), [4, с. 205].

Мир («земной свет») превращается в химеру – негатив мира горнего:

Мы видим счастья тень в мечтах земного света;

Есть счастье где-нибудь: нет тени без предмета (К Тень и предмет), 1820), [4, с. 312],

либо фантом безвестного происхождения: *«Не сон ли жизнь и здешний свет? / Но тот, кто видит сон, – живет» (1825), [4, с. 314]; «Всё в свете есть игра, жизнь самая – ничто...» [4, с. 96].*

В лирико-философской элегии «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста» (1796) «суетой» определяется как стремление познать мир, так и плоды такого псевдопознания:

...Искал я к истине пути, / Хотел узнать всему причину,

Но нам ли таинств ключ найти, / Измерить мудрости пучину?

Все наши знания – мечта, / Вся наша мудрость – суета!.. [4, с. 199].

Такой поэтический агностицизм позднего Карамзина, очевидно, имеет своим первоисточником для русскоязычного читателя рубежа веков мотив испанского барокко «Жизнь есть сон», манифестированный в одноименной драме Педро Кальдерона (1635). Наиболее вероятным поэтическим ретранслятором этого мотива для поэзии Карамзина мог стать стихотворный трактат Д.И. Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1769), к которым автор последовательно обращает вопрос: *«на что сей создан свет?»* – и сначала озвучивает свои ответы их голосами:

...Что дурен здешний свет, то всякий понимает.

Да для чего он есть, того никто не знает <...>

...Весь свет, мне кажется, ребятская игрушка...

Создатель твари всей, себе на похвалу,

По свету нас пустил, как кукол по столу...

А в финале обобщает их собственным «голосом»: *«...А вы внимайте мой, друзья мои, ответ: / “И сам не знаю я, на что сей создан свет!”» [8, т. I, с. 210-212].*

Это парадоксальным образом превращает поэзию как злонамеренную светскую лгунью и сеятеля иллюзий: *«...богин[ю] света белого – / Ложь, Неправд[у], призрак истины...» (Илья Муромец. Богатырская сказка, 1794), [4, с. 151], в лекарство от тоски героя в «свете», оказавшемся горькой иллюзией:*

...вы (музы. – А.И.) родитесь свет подлунный украшать,

Который бы без вас в угрюмости суровой

Был самый мрачный свет... («Послание к женщинам»), [4, с. 170–171].

Между тем, выход из такого возможного бытийного тупика готовится Карамзиным уже в упомянутом выше «Послании ... Плещееву». Он состоит в наделении «света» / социума признаками прежде противопоставляемого ему природного убежища «чувства» («души»), «ума» и «тихий» наслаждений (не равных «суетам», а противостоящих им). В отличие от европейских аналогов, русский сентиментализм екатерининской поры и двух последующих царствований не фронтально отрицал общественно-государственный пафос классицизма, но принципиально корректировал, кладя в его основу ключевые сентименталистские концепты «чувства» и «души». В поэзии самого Карамзина программным манифестом таких позиций стал стихотворный трактат «Дарования» (1797). Но уже за три года до этого Карамзин в соответствии с ними, с одной стороны, снимает оппозицию «света» / общества – полноценным «душе» и «уму»:

...Но мы для света рождены, / Душой, умом одарены

И должны в нём, мой друг, остаться...

С другой стороны, допускает возможность в «свете» подлинных (в эпикурейском смысле) «тихий» наслаждений, не равных «суетам», а противостоящих им:

Чем можно, будем наслаждаться...

Как можно лучше, тише жить,

Без всяких суетных желаний, / Пустых, блестящих ожиданий;

Но что приятное найдём, / То с радостью себе возьмём... [4, с. 144].

Ср.: «Можно в самом шуме света / С тихим сердцем век прожить...» («Куп-

леты из одной сельской комедии...»), [4, с. 258].

«Душа» и «ум» более не противопоставляются «наслаждениям», а соединяются в фундаментальном для сентиментализма концепте «чувства», которое теперь принадлежит «свету» / социуму и губится уходом из него:

...Пусть строгий муж Зенон в угрюмости своей

Кричит, что должно жить нам в свете без страстей...

Учению сему в архивах оставаться, / В сердца ж вовеки не входить... («Послание к женщинам»), [4, с. 173].

Оставшись в свете, герой и его друг способны осуществлять потенциал его самоочищения: «...Среди собраний светских... / Ругать как можно злее свет...» («Исправление», 1797), [4, с. 239].

В качестве прибежища «ума» и «чувства» («души») «свет» / общество превращается в «свет» / государство. Будучи олицетворено в монархе, оно опирается на поэзию, превращая её из орудия добровольного самообмана в орудие его самовозвышения и духовной консолидации.

Эта новая роль поэзии развёрнута Карамзиным в стихотворном трактате «Дарования» (1797), отразившем энтузиазм поэта в первые месяцы правления Павла I и фактически соединившем на поэтической основе «разум» классицизма и «чувство» сентиментализма. «Свет» же становится полем такого превращения поэзии в написанной Карамзиным чуть раньше «Оде на случай присяги московских жителей Павлу Первому, Самодержцу Всероссийскому» (1796): «...Святые музы, дочери неба, / Без коих сердцу свет немил! / Ликуйте! Павел ваш лю-

битель...» [4, с. 186]

Таким образом, классицизм в поэзии Карамзина сначала подспудно готовит сентименталистское расщепление «света» / мира на «свет» / цивилизацию и его периферию (природу);

а затем воссоединяет их в новом качестве, наделяя общество и государство признаками его прежних сентименталистских антиподов. И механизмом того и другого выступает поэзия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования. М.: МГОУ, 2012. 560 с.
2. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений. Л.: «Советский писатель», 1967. 502 с.
3. Иваницкий А.И. Ещё раз о соотношении «сентиментального» и «классицистического» в поэзии Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 109-118.
4. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: «Художественная литература», 1966. 424 с.
5. Майков В.И. Избранные произведения. М.-Л.: Изд. «Советский писатель», 1966. 501 с.
6. Муравьев М.Н. Стихотворения. Л.: «Советский писатель», 1967. 387 с.
7. Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Тт. 1-10. М., 1781.
8. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2-х тт. М.-Л.: «Художественная литература», 1959.
9. Хемницер И.И. Полное собрание стихотворений. М.-Л.: «Советский писатель», 1963. 380 с.
10. Херасков М.М. Избранные произведения. М.-Л.: «Советский писатель», 1961. 408 с.

REFERENCES

1. Alpatova T.A. *Proza N.M. Karamzina: poetika povestvovaniya*. [N. Karamzin's prose: the poetics of narrative]. Moscow, MRSU Publ., 2012. 560 p.
2. Dmitriev I.I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1967. 502 p.
3. Ivanitskii A.I. [Once again on the relationship between "sentimental" and "classic" in the poetry of Karamzin]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology]. 2015, no. 4, pp. 109-118.
4. Karamzin N.M. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Moscow-Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. 424 p.
5. Maikov V.I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 501 p.
6. Murav'ev M.N. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1967. 387 p.
7. Sumarokov A.P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze* [Complete collection of all the works in verse and prose. Vols. 1-10]. Moscow, 1781.
8. Fonvizin D.I. *Sobranie sochinenii v 2-kh tt.* [Works collection in 2 vols.]. Moscow-Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1959.
9. Khemnitser I.I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel'»Publ., 1963. 380 p.
10. Kheraskov M.M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow-Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 408 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Иваницкий Александр Ильич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных наук им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: meisster@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr I. Ivanitskiy – Doctor in Philological sciences, Senior Researcher in Institute for Advanced Studies in Humanities, Russian State University for the Humanities;
e-mail: meisster@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Иваницкий А.И. «Свет» как мир и «свет» как общество в поэзии Н.М. Карамзина: механизм эволюции значений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 69-76.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-69-76

CORRECT REFERENCE

A. Ivanitskiy. "Svet" as world and "Svet" as society in N. Karamzin's poetry: mechanism of the evolution of meanings. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 3, pp. 69-76.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-69-76